

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ЦАРСКОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Динамика политических и социально-экономических процессов в Российской империи во многом складывалась как следствие постоянного поиска способов адаптации крупномасштабной системы власти к изменяющейся среде, меры сочетания властного принуждения и свободы деятельности представителей разных социальных групп. Развитие общества основывалось на доставшемся от Московского государства наследии и происходило под влиянием принципиально новых детерминант, которые были вызваны глубокими изменениями внутренних и внешних условий. Важнейшее значение приобретали факты, связанные с демографическим взрывом, урбанизацией, промышленным переворотом и переходом к новым технологиям, что требовало от власти и общества своевременного и правильного выбора приоритетов и способов реформирования всех сфер социальной жизни.

В XIV–XVII веках русское государство оказалось расположенным в стороне от мировых торговых путей и имело сравнительно бедные сельскохозяйственные и минеральные ресурсы. В утвердившемся аграрном обществе основным фактором, определяющим его уровень благосостояния, оставалось сельское хозяйство. Происходившая в XVIII–XIX веках территориальная экспансия была вызвана не только геополитическими, имперскими интересами, но и экономическими: она оказала противоречивое влияние на социально-экономическую динамику страны. Выход России к Черному морю и овладение обширными территориями лесистой, степной и черноземных зон обуславливались не только угрозами безопасности, но и необходимостью хозяйственного освоения более благоприятных территорий, развития транспортной системы, связей и торговли. Это позволяло достигать более высоких показателей социально-экономического развития при крепостном режиме.

В XVII веке Россия смогла утвердить свое господствующее положение в Восточной Европе, устранив угрозу со стороны Польши; шло активное освоение Сибири, левобережная Украина входит в состав Московского государства, резко возрастают территориальные размеры и численность населения государства, Россия усиливает свое могуще-

ство и силу. Этот период времени О.Ф. Платонов оценивает следующим образом: «...государство, на долю которого приходилось столько труда, не падало, а росло и крепло, и в 1676 г. оно было совсем иным, чем в 1645, оно стало гораздо крепче в отношении благосостояния...»^{*} Это был здоровый организм, имевший исторические традиции и упорно преследовавший сотнями лет свои цели¹. В период регентства Софьи, благодаря деятельности князя В.В.Голицына и его сподвижников, формируются предпосылки модернизации власти и социальных структур. В обществе рождается реформаторский дух, стремление к законности и порядку. В это время развивается просвещение, появляются первый театр, газета, библиотеки, строятся первый корабль, фабрики, заводы, быстро развивается торговля.

Многочисленные нововведения, которые получают распространение в то время, создавали почву для изменения структуры власти, социальной структуры и динамичного развития страны в начале XVIII века. Реформаторские преобразования весьма часто отождествляются только с деятельностью Петра I². «Это был век переломный, когда прежние натурально-хозяйственные отношения постепенно заменялись меновыми или денежными»³. Однако нельзя не учитывать, что реформы Петра I носили весьма противоречивый характер. Принцип абсолютной монархии, игнорирующий демократические традиции государственного устройства России, не воплощал в жизнь европейские идеи гражданства, выборности законодательных органов, принципа разделения властей. Реформы Петра I способствовали проникновению тех европейских идей, от которых уже отказывались на Западе, кроме того, они проводились в жесткой форме, без учета русского менталитета. Рассматривая противоречие, которое возникло в российском обществе на рубеже XVII–XVIII веков, В. Пастухов полагает, что оно «принципиально отличалось от противоречия, обнаружившегося несколько ранее в Европе. Там – сильное, всепроникающее государство-бюрократия вошло в противоречие с развитой, самостоятельной и стремящейся к свободе личностью. Здесь – слабое, малоподвижное, опутанное предрассудками государство ока-

^{*} Речь идет о царствовании царя Алексея Михайловича, отца Петра I.

залось неспособным взять на себя функции нравственной опеки над «полуразвитым», зависимым и нуждающимся в попечительстве индивидом. Если в Европе кризис государства проявился в избытке силы действия бюрократии, то в России обнаружился ее «дефицит»... Самодержавная Россия, будучи по своей природе государством-бюрократией, выступала в превращенной форме государства-класса, государства земельной аристократии. Это сочетание признаков как государства-бюрократии, так и государства-класса обусловило силу и слабость Российской империи»⁴.

В отличие от европейских стран в Московском государстве не было сословий как замкнутых объединений, участники которых наделялись равными наследственными правами и обязанностями. Сословия того периода в России носили тягловый характер, их роль и состав были связаны с выполнением той или иной услуги (службы) государству. При Петре I система сословных повинностей усложняется, но необходимо отметить, что сословия в классическом плане не появляются. Социальные слои, сложившиеся в процессе петровских реформ, не обладали законодательно утвержденными правами и привилегиями, не было сословных организаций, сословного самоуправления и сословного суда. В послепетровскую эпоху для разных групп свободного населения повинности постепенно смягчаются, уточняются и расширяются их права и свободы, что способствует кристаллизации сословий. Важным этапом в процессе формирования социальной структуры российского общества стали реформы, предпринятые Екатериной II. Оценивая эти реформы, А.Б. Каменский обращает внимание на то, что они «создавали своего рода конституцию», способствуя формированию «правового государства с сословной структурой общества и с оговоренными в законе правами и обязанностями верховной власти и подданных», зависевших от правового статуса каждого сословия⁵. Сословная реформа Екатерины II, как отмечает В.В. Лентонич, «даровала дворянству права, принадлежащие статусу свободного гражданина», заложив, таким образом, «первый краеугольный камень для создания гражданского строя в России»⁶. Таким образом, в ходе реформы создавались сословные корпорации, заменявшие в системе местного управления территориальные организации, формирующий сословный слой увязывался с монархической властью.

Сословные реформы XVIII века, указывает Л.Ф. Писарькова, стали важным этапом в развитии сословного самоуправления, в связи с этим социальные группы, прикрепленные к государ-

ственной службе, превращаются в сословия с правами самоуправления. Реформы Петра I и Екатерины II придают местному управлению сословный характер. В первой половине XIX века складывается тенденция к сближению представителей разных сословий и их совместной деятельности с властями. До реформ 1860-1870 гг. все выборные учреждения и должности (за исключением вечевых периодов) были включены в систему государственного управления. Единственной самоуправляющейся территориальной единицей оставалась община⁷. В связи с этим в местном управлении преобладали государственные начала над общественными и сословными.

Петровские реформы реализовались слишком дорогой ценой. В петровские времена население страны сократилось примерно на треть. В послепетровский период его численность быстро увеличивается. При этом если за 1724-1782 гг. население возросло с 13 млн. человек до 19 млн. чел., или в 1,5 раза, то в последующие годы его темпы роста существенно повышаются. В связи с этим за 1782-1851 гг. население увеличилось до 44 млн. человек, или в 2,3 раза. Урбанизационные процессы в России хотя и опережали стремительный демографический рост, но проходили с заметным отставанием от стран Запада. Существенные изменения в структуре населения страны начинают складываться лишь в конце XVIII века. Если на протяжении многих десятилетий в XVIII веке городское население возрастало примерно такими же темпами, как и все население страны, то за 30 лет с 1782 г. по 1812 г. оно увеличилось в 3,4 раза и его доля возросла с 3,1 до 4,4%, или в 1,4 раза. В первой половине XIX века доля городского населения повысилась до 7,8% в 1851 г., или почти в 1,8 раза, что связано с увеличением его численности за 1812-1851 гг. в 2,6 раза⁸.

Однако в Западной Европе модернизационные изменения в XVII–XVIII веках происходили активнее, индустриализация экономики приводит к быстрому росту городского населения. По оценкам Ф. Броделя, в XVIII веке удельный вес городского населения Англии составлял 30%, во Франции – 17%,⁹ в России его доля была во много раз меньше. Объем промышленного производства превысил объемы производства в сельском хозяйстве в Англии в 1811-1821 гг., в Германии – в 1865 г., в США – в 1869 г., во Франции – к 1890 г.⁹ В России это произошло, согласно официальным данным, в середине 30-х годов, а численность занятых в промышленности и строительстве в СССР превысила численность занятых в сельском и лесном хозяйстве только в конце 50-х годов. В ряде стран За-

падной Европы в XIX веке успешно развивается система школьного и высшего образования, осуществляется переход ко всеобщему школьному образованию. Россия весьма значительно (в 5–10 раз) отставала по уровню грамотности населения, что, в свою очередь, негативно сказывалось на всех сторонах политической и социально-экономической жизни российского общества.

Анализ условий и традиций деятельности правящих элит России в разные периоды времени свидетельствует о противоречивости и «пластичности» стереотипов поведения и ценностных ориентаций, динамическом сочетании позитивных и негативных инвариантных деятельностных характеристик. К их числу следует отнести авторитарность и корпоратизм, государственную целесообразность и патернализм, самоотверженность в отстаивании национальных интересов и склонность к ориентации на утопические идеи, патриотизм и уважительное отношение к другим культурам. Вместе с тем сквозным принципом организации системы властных отношений являлось в утвердившийся период самодержавия крепостное право. Оно выступало как специфическая среда динамики российского общества, как ее фундаментальный фактор. Все сословия по-своему в определенных рамках и в определенный период находились в крепостной зависимости. Это негативно сказывалось на социально-экономической динамике.

В отечественной и зарубежной литературе имеется гипотеза рассмотрения властных отношений при крепостном праве как разновидности рабства. Эти традиции восходят еще к XVIII веку. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев крепостных называл рабами, с этим был не согласен А.С. Пушкин, отмечавший, что крестьян нельзя считать рабами. Важно подчеркнуть, что крепостное право и рабство являются двумя типами принудительного труда и характеризуют качественно различные системы социального устройства. Сходство социального статуса работников принудительного труда (личная зависимость, отсутствие собственности на землю) сближает их, способствует формированию общих черт психологии и поведения крепостных и рабов, а также их хозяев. Социально-политическая зависимость препятствовала развитию гражданского сознания и гражданского общества. Принудительный труд не заинтересовывал работников в его результатах, мешал развитию навыков интенсивного и продуктивного труда.

Крепостная система приводила к резкой социальной поляризации, презрительному отношению к труду, утверждению вертикали властных отношений, основанной на деспотизме и поддан-

ническом повиновении. Вместе с тем социальные статусы русского крепостного и раба качественно различаются. Крепостной крестьянин имел свой дом и орудие труда, земельный участок в пользовании, на котором самостоятельно хозяйствовал. За крепостным стояла община и патерналистское государство, что определяло дуальность его положения, противоречивость развития российской культуры. В XVIII – первой половине XIX века крепостная зависимость выражалась в личной неэкономической зависимости, прикреплении к месту жительства и сословию; в ограничениях в правах на собственность и совершение гражданских сделок, на выбор профессий и занятий; в возможности по воле господина без суда лишиться имущества, подвергнуться телесным наказаниям или быть проданным.

Российское крепостничество существенно отличалось от западноевропейского, на неправомочность их отождествления указывали не только отечественные исследователи, но и западные, например М. Блок¹⁰. Прикрепление крестьян в патриархальном российском обществе являлось частью процесса формирования централизованного государства; институт частной собственности на землю не играл решающей роли, она принадлежала государству. Все жители являлись слугами государя. Этатистско-патерналистские отношения определяли особенности психологии и поведения крестьян и помещиков. Помещик выступал как посредник между крепостными и государством не только как государственное лицо, способствующее соблюдению государственного порядка и сбора податей и повинностей, но на него возлагались обязанности по поддержанию минимальных условий жизни крестьян, побуждению их к работе, оказанию помощи нуждающимся (в случаях неурожая, пожаров, болезней и т. д.). Так, ст. 1103 Свода законов Российской империи гласила, что владелец в случае неурожая обязан доставлять им способы пропитания, побуждая к работе и воздерживая от нищенства. Крестьяне полагались на помощь со стороны помещика в трудную минуту, называли его «батюшкой» и «кормильцем».

Господство крепостничества во всех формах его проявления, выступавшее важнейшей причиной низкого уровня развития экономики России в XVIII–XIX веках, обрекало на использование экстенсивных методов, подавляя стремление к предпринимательству, росту производительности труда, бережливости и т. д. Вектор развития взаимоотношений государства и общества определялся стремлением самодержавия проводить жесткую регламентацию общественной жизни с попытками

модернизации, выступая проводником экономического, социального и культурного прогресса, но государственные интересы доминировали над интересами общества.

Крепостничество сдерживало развитие товарных отношений, сельского хозяйства и всей национальной экономики. В середине XIX века в европейской части России продукция товарного земледелия составляла 18% от ее общего объема. С XV по XX век урожайность оставалась на низком уровне и существенно не повышалась¹¹. В крупных поместьях был большой бюрократический аппарат, так на его содержание у графа Воронцова расходовалось в 1801-1810 гг. около 10% оброка¹². Одно из наиболее унижительных положений крепостных занимали дворовые, подобной категории крестьян не было ни в Германии, ни во Франции. За 1835-1857 гг. их численность увеличилось с 4 до 6,8%. За первую половину XIX века население страны возросло в 1,7 раза, при этом доля крепостных уменьшилась с 50 до 33% сельского населения². Перед отменой крепостного права уже около 40% крестьян платили оброк. Крестьяне могли торговать, иметь фабрики. Те из них, кто активно занимались торговлей, «породили» купеческое сословие.

Крестьянство не смирилось с крепостничеством, которое в отличие от Запада было недолгим в России. На Западе отношения феодальной зависимости закреплялись многими положениями на протяжении тысячелетия. Привязанность к земле сочеталась с верностью к феодалу. В России же при ее культурно-исторических традициях, огромных пространствах, подвижности населения, постоянной колонизации земель личные связи не успевали закрепляться. Противостояние власти и крестьян определялось и социокультурным расколом. Этому способствовали бытовые различия (приверженность западному стилю одежды, нравственным ценностям и языку), а общинное землепользование было связано у народа с представлением, что поместное землевладение есть плата за службу государству и что народ имеет право на землю. На своеобразии русского характера, как отмечает Н.А. Бердяев, существенное влияние оказывает и фактор пространства. «Необъятность русской земли, отсутствие границы пределов выразилось в строевании русской души»¹³.

К числу уникальных явлений России, которых не было на Западе, относят часто всеобщее закрепощение и деспотизм, уравнильно-передельный характер общины. Однако, с одной стороны, на Западе был целый комплекс институтов феодализма и феодального права, с другой – труд-

но найти убедительные доказательства того, что император и государственная бюрократия стремились навязать тотальный контроль российскому обществу. В России часто шли поиски форм компромисса и разделения ответственности между властью и обществом.

В аграрной стране крестьянство не только испытывало на себе влияние города, но и само оказывало огромное воздействие на социальные изменения. Крестьянскую общину и ее аналоги, распространенные во всем российском обществе, часто считают ответственной за разрыв между воззрениями и ценностями, разделяемыми народом и элитой. На деле община и крестьянство находились в динамической взаимосвязи, выражающей взаимодействие крепостничества и модернизации, коллективизма и индивидуализма. Под влиянием разнообразных факторов община и крестьянство изменялись в сторону большей свободы, вовлечения в рыночное хозяйство. Эволюция общины и всего общества в сторону индивидуализма сопровождалась изменением и законодательства, что способствовало поддержанию социального порядка. Природно-климатические условия России не могли не оказывать влияния на формирование менталитета народа, слабая связь трудовых усилий с размером получаемого урожая способствовала появлению равнодушия и обреченности, в условиях архаической культуры земледелия имела большое значение поддержка крестьянской общины и коллективная взаимовыручка¹¹. К середине XIX в. стремительно исчерпываются традиционные ресурсы социально-экономического развития страны, основанные на монархо-архаической модели власти и социально-классовой структуры, экстенсивных методах хозяйствования и внешней аграрной колонизации земель.

Ведущие страны Запада и Востока, находящиеся в разных социально-политических и природно-географических условиях, в период до промышленного переворота не располагались на огромной дистанции друг от друга по уровню экономического развития. Российское хозяйство в XVII-XVIII веках по основным показателям соответствовало доминирующим в мире стандартам, хотя и отставало в 1800 г. от раннеиндустриальных стран (по некоторым оценкам, ВВП на душу населения в России был в 1,2-2 раза меньше, чем в Англии). Однако для России ситуация резко ухудшается уже к середине XIX века. Благодаря модернизационным изменениям раннеиндустриальные страны увеличили объем ВВП за 1800–1860 гг. более чем в 2 раза, а Россия – лишь примерно на 10%. Осуществление во второй половине XIX века реформ в

России выступило запоздалым ответом на ухудшение внутренней и внешней ситуации и позволило ей войти во второй эшелон стран индустриальной модернизации.

Промышленный переворот в России произошел с отставанием на 100 лет от Англии, на 50-70 лет – от Франции и США и на 10-15 лет – от Германии и Японии. За 1860–1913 гг. выплавка чугуна в России увеличилась в 13 раз, но по паровой мощности машин на 1000 жителей в 1913 году Россия уступала Англии в 13 раз, США – в 11 раз. За 1881-1913 гг. объем промышленной продукции в стране вырос в 6,5 раза, а ее доля в мировом промышленном производстве повысилась с 3,4 до 5,3%. При этом темпы индустриализации в конце XIX века были выше, чем в период реформ Витте–Столыпина. Если за 1881-1896 гг. общий выпуск промышленной продукции увеличился на 175%, а в расчете на одного рабочего на 22%, то в последующие 17 лет рост данных показателей составил соответственно 138 и 5%². В связи с этим за 1881-1896 гг. доля России в мировом промышленном производстве повысилась с 3,4 до 5,0%, или в 1,5 раза, а за 1896-1913 гг. – лишь с 5,0 до 5,3%, или в 1,06 раза. По выпуску промышленной продукции в 1913 году Россия продолжала отставать от США в 7 раз, от Англии – в 2,6 раза, Германии – в 3 раза, в расчете на одного жителя данное отставание было еще больше.

Выбор цивилизационной модели развития российского общества связан с пониманием места и роли страны в мировом сообществе. Особенности геополитического положения России, ее отношения с Западом и Востоком вызывали постоянный интерес многих поколений замечательных российских мыслителей. Указывая на данную геополитическую реальность, В.О. Ключевский отмечал, что «исторически Россия, конечно, не Азия, географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа наложила на нее особенности и влияние, которые всегда влекли ее к Азии или в нее влекли Азию»¹⁴.

Проблема понимания причин отсталости России, ее места и роли в мировом развитии способствовала полемике западников и славянофилов. Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, К.Д. Кавелин, В.П. Боткин, П.В. Анненков, Н.П. Огарев, А.И. Герцен, Б.Н. Чичерин видели преодоление отсталости России в необходимости ее движения в направлении развития западной цивилизации. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, И.К. Аксаков, Ю.Ф. Самарин акцентировали внимание на социокультурных различиях России и Европы и критиковали

ли «мещанство», возлагая надежду на общинные принципы организации социальной жизни, предлагая форму единения людей на основе соборности как выражение свободы в единстве. Идеи славянофилов были переосмыслены в работах Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова. Полемика славянофилов и западников оказала огромное влияние на развитие религиозно-философской мысли В.С. Соловьева, С.И. Булгакова, Н.А. Бердяева, Л.Л. Карсавина. Возникшие на этой основе общественные движения хотя и выступали как оппозиционные по отношению к политике, проводимой властью, предлагали различные ориентиры и приоритеты изменения российского общества на основе его реформирования. Антисистемными и дестабилизирующими были крайние идеи, отвергавшие самобытные основы России и возможности использования зарубежного опыта. Игнорирование цивилизационного своеобразия России, подход к ее государственному устройству через «эталонный» опыт Западной Европы неизбежно приводили к русофобским концепциям¹⁵.

Эволюция власти и российского общества складывается из огромного множества альтернатив выбора варианта социального движения. Нереализованные альтернативы неизбежно приобретают некоторую условность, постепенно становятся все менее очевидными, теряют свою актуальность и историческую ценность в глазах исследователей. Доминирование в изучении социальных процессов жестких детерминистских конструкций, однозначно определяющих траекторию социально-экономического развития и не оставляющих возможностей для появления кардинально иных траекторий, способствовало формированию односторонних и конфронтационных подходов к интерпретации процессов развития общества, влияния социоструктурных факторов, особенностей взаимосвязей элит и контрэлит, социальных групп и классов. Лишь в перестроечный период в отечественной литературе проблемы альтернативы развития российского общества начинают привлекать к себе внимание исследователей. Однако возникают в значительной степени политизированные конструкции, охватывающие послереволюционный период развития страны, в 1990-х годах ставится уже вопрос о либеральной альтернативе, возникающей из попыток российской элиты и других слоев общества ограничить авторитарную власть. Складывающиеся подходы, справедливо выступая против детерминистского описания эволюции социальной жизни, остаются недостаточно увязанными с особенностями российской цивилизации, альтернативами выбора радикально отличающихся друг от друга ци-

визационных моделей ее движения. То обстоятельство, что принцип альтернативности не поставлен в центр исследования реальной политической, экономической, культурной жизни российского общества и его макросоциальных групп, приводит к односторонней интерпретации особенностей национальной ментальности.

Развитие российской власти и общества всегда определялось взаимодействием двух тенденций: демократической и авторитарной. В период зарождения древнерусского государства значительное влияние имела первая тенденция. Позже, с увеличением территории государства, усложнением хозяйственных, социальных и политических связей, а также наличием грозных соперников на Востоке и Западе, усиливается влияние на выбор иной модели координат динамики российского общества, это накладывает особый отпечаток на развитие культурных традиций и социоструктурных процессов. Вместе с тем выбор альтернатив эволюции власти и российского общества происходил и под влиянием внутренних политических и социально-экономических факторов развития страны. Экстраординарные проблемы и трудности, часто возникающие на пути развития российского общества, подталкивали к формированию мобилизационной модели с использованием авторитарных форм правления, ограничением прав и свобод личности, что приводило к отставанию в развитии политической, экономической и социальной жизни.*

Цивилизационной альтернативой модели власти, ориентированной на использование деспотических и репрессивных методов, выступали программы модернизации на основе повышения народовластия, расширения прав и свобод личности, формирования институтов власти, исходя из необходимости в них представительства интересов разных слоев российского общества. Элементы либеральных программ социальной трансформации власти и общества находили лишь частичную реализацию в проводимых правящей элитой реформах. Запоздывание в проведении реформ, выбор противоречивых и непоследовательных вариантов их осуществления приводили к деформированию ритмов социальной динамики, возникновению драматичного развития событийного потока социальной жизни.

Нереализованные альтернативы не уходили бесследно из жизни государства и общества, они становились началом очередного пересмотра мировоззренческих ориентиров элитных и неэлитных групп. В условиях авторитаризма даже умеренные

программы социальных преобразований часто рассматривались как антигосударственные, а их сторонники подвергались репрессиям. Это, в свою очередь, создавало основу появления радикально-экстремистских сил и осложняло деятельность власти. Отставание в уровне цивилизационного развития, резкая социальная дифференциация, значительный уровень отчуждения народа от власти, активность радикально-экстремистских сил, разбалансированность социальной структуры, зарубежный и свой собственный опыт, свидетельствующий об опасностях разрушения социального порядка, – все это ориентировало правящую элиту российского общества на осторожный подход к выбору методов социального реформирования, которые стали преимущественно сводиться к модернизации авторитарно-бюрократических механизмов мобилизационной модели.

Российскому самодержавию удалось обеспечить достаточно высокую степень подчинения культурного порядка политическому и относительно низкий уровень непосредственного влияния верхних слоев общества на власть царя и организацию социально-политической жизни. Политическая сфера стала монополией монарха, экономическая сфера была более децентрализованной. Широким слоям общества была предоставлена здесь самостоятельность, но эта самостоятельность не должна была нарушать систему крепостного права. Религиозное инакомыслие отделялось от политической сферы, однако иногда, например в случае со староверами, она становилась активным фактором в экономической деятельности.

Следствием высокой концентрации власти у монарха до начала XX века стало ее негативное воздействие на формирование социальной стратификации. В России был низкий уровень самоидентификации социальных слоев и классового сознания, отсутствовали классовые организации. Так, несмотря на наличие традиций локальных объединений крестьян соседних деревень, не существовало их более крупных организаций. Оставалась низкой и самоорганизация городских слоев населения, профессиональные группы и их неформальные организации находились под контролем официальных властей. Господствующий класс российского общества хотя и обладал большей самостоятельностью и занимал более высокое положение в обществе, но он также не отличался особым самосознанием и самоорганизацией. С переходом к самодержавию была разрушена былая автономность аристократии, она превращается в служилую ари-

*См.: Плосконосова В.П. Трансформация власти и социально-экономические преобразования в обществе. Омск, 2001.

стократию, и лишь в XIX веке ситуация стала меняться. Социальная мобильность определялась прежде всего правовым статусом социальных групп, ограничений на занятия теми или иными видами экономической деятельности было немного. Преодоление классовых барьеров – локальное, редкое явление, хотя и не было крайне исключительным случаем. Самодержавие ориентировалось на использование регулирующих и принудительных методов правления, ограничивая свободу действий широким слоям населения при крайне низкой степени их влияния на власть.

Целостность крупномасштабной социальной организации на огромном территориальном пространстве в течение длительного исторического периода невозможно поддержать на основе только методов насилия, деспотической власти. Важной особенностью русской цивилизации на протяжении всей ее истории является система распределения власти, обеспечивающая сложное стратификационное деление общества с различными социальными и классовыми границами. В отличие от Западной Европы в России акцентировалось внимание не на различиях в правах разных слоев общества, а на важности выполнения свойственных каждому сословию обязанностей, связанных со служением государству. В противоречивом генотипе русской культуры противоположные качества, характеризующие различные аспекты взаимосвязи личности и общества, управляющего и управляемого, образуют динамическое единство их соотношения. Все это создавало предпосылки для соборного согласования интересов, развития системы местного и сословно-территориального самоуправления. Сакральным символом и выражением религиозно-нравственных идеалов становится образ царя как носителя правды, справедливости и добра, антимонархические идеи и движения стали появляться лишь в конце XVII – начале XX века.

Социальные, культурные и политические черты, характерные для России XIX века, были в некоторой степени свойственны и Европе, хотя имелись и существенные особенности. К середине XIX века русская элита стала во многом приближаться к европейским стандартам, крестьянство отходило от крепостнически-общинных традиций, формировалось третье сословие, происходило движение страны в сторону парламентской монархии. Особенности положения правящих кругов и основных слоев общества, культурных традиций, характера взаимоотношений правящих элит и контрэлит, их связи с социальными группами в большой степени влияли на характер модернизационных про-

цессов в царской России. Ее властвующие структуры нередко стремились ориентироваться на инновации и инициировали проведение далеко идущих реформ в экономической и социально-политической жизни. Вместе с тем ограниченность мировоззренческой парадигмы правящих кругов, собственный и зарубежный исторический опыт разрушительных последствий революционных потрясений и безвластия, сложность и многообразие условий жизни людей в крупномасштабном государстве, невысокий уровень политической культуры и развитости институтов самоорганизации способствовали импульсивной динамике модернизационных процессов, постоянной смене форм авторитарных и демократических направлений преобразования в экономике, политике и других сферах жизни общества, замене реформ контрреформами, поощрению локальных изменений и расширению предпринимательства в экономической сфере при стремлении сохранения контроля над всеми изменениями, особенно в политической сфере.

Реформы второй половины XIX века осуществлялись в условиях бюрократизации государственной и общественной жизни, уровень которой в годы правления Николая I стал высоким. Земская и городская реформы привели к передаче территориальным общинам прав местного самоуправления и стали объектом острой критики. С одной стороны, радикалы указывали на то, что сфера деятельности и права земских учреждений остаются урезанными, ограничивая социально-экономическое развитие страны. С другой стороны, консерваторы считали, что эти учреждения обладают избыточной самостоятельностью, подрывая государственные устои. Во второй половине XIX века российский бюрократический аппарат был относительно небольшим, но низкоэффективным. В России на 10 тыс. человек приходилось 12-13 чиновников, т. е. в 3-4 раза меньше, чем в странах западной Европы в тот период времени. Небольшими были и государственные расходы на содержание бюрократического аппарата¹⁶.

Реформирование российского общества во второй половине XIX – начале XX века происходит в условиях бурного демографического роста, что вызвало сложные социокультурные изменения. За 1851-1897 гг. численность населения страны увеличилась с 64 до 129 млн. человек, или в 2 раза, городское население в результате бурного роста промышленности и торговли – в 3,3 раза, доля городского населения в общей его численности повысилась с 7,8 до 13%, или в 1,7 раза¹⁷. В первые 15 лет XX века население страны возросло еще на треть, а городское население – в 1,6 раза. За 1860-

1913 г. Россия увеличила национальный доход на душу населения примерно в 1,5 раза, но существенного сдвига по этому показателю в мировом контексте не было, разрыв с ведущими странами мира остался примерно на том же уровне. Индустриализация страны происходила за счет сдерживания роста доходов основной массы населения, уровень жизни народа повышался медленно. Так, средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в России возросла за 1870-1913 гг. на 3 года, или в 1,1 раза (с 31 до 34 лет), а в ведущих странах Западной Европы – на 12,2 лет, или в 1,3 раза (с 37,3 до 49,5 лет)¹⁸. Аграрная страна с низким уровнем продовольственного обеспечения была вынуждена экспортировать продовольственные ресурсы для того, чтобы закупать промышленные товары. Начавшийся в XIX веке процесс индустриализации российской экономики в значительной степени опирался на мобилизацию ресурсов села, которое поставляло дешевую рабочую силу и продовольственные товары по низкой цене, увеличивало налоговые поступления в казну. Вместе с тем в отличие от глубоких социотехнологических изменений, происходящих в городах, в сельском хозяйстве складывалось крайне тяжелое положение, что оказывало огромное воздействие на события в стране в целом.

Сельское хозяйство, являясь основной отраслью доиндустриальной экономики, на протяжении многих веков оказывало определенное влияние на уровень и динамику социально-экономического и социально-политического развития страны. Состояние сельскохозяйственного производства в значительной степени зависит от природно-климатических условий, которые в России являются весьма сложными. Так, в европейской части России климат не только холоднее, чем в Европе, на 10° С зимой, но и колебание температур здесь в 2-3 раза выше. Развитие земледелия в Центральной полосе России в XIV-XIX веках происходило при низком уровне урожайности и при значительном уровне неустойчивости собираемых урожаев, составляющих по некоторым губерниям разницу в 2-7 раз, что приводило к периодическому массовому голоду. Вместе с тем центры сельскохозяйственных угодий России за последние 300 лет перемещались от Москвы на восток. Негативное действие неустойчивости урожайности на Среднерусской равнине компенсировалось перемещением центра в районы с другими климатическими условиями.

С резким увеличением численности населения и с повышением его плотности усиливались хозяйственные нагрузки на землю, которые уже в середине XIX века из-за недостатка вносимых удобрений

достигают критического уровня, вызывая экологический кризис. В черноземных областях Центральной России, как отмечает Д.И. Люри, «первая экологическая бомба» разорвалась в середине XIX века, когда из-за роста численности скота при сокращении пастбищных угодий пастбищная нагрузка превысила критическую величину и продуктивность лугов стала заметно снижаться. «Вторая экологическая бомба» взорвалась примерно через 30 лет в 1880-х годах, когда истощение почв полей достигло критической величины. Урожайность зерновых снизилась до 5,7 ц/га и стала такой же, как в конце XVIII века. Началось падение объемов ресурсопользования и потребления. В 90-х годах обвал еще более усилился и социальная обстановка стала катастрофической. В 90-х годах XIX века катастрофический неурожай поразил этот регион, еще недавно бывший основной житницей страны. Нехватка черноземного зерна откликнулась голодом во всех уголках огромной империи¹⁹.

Во второй половине XIX века стратегия внешней аграрной колонизации, которая доминировала в политике властей с XVI века, себя уже исчерпала, натолкнувшись на геополитические и природные барьеры. Необходимо было переходить к стратегиям, обеспечивающим использование интенсивных технологий в сельском хозяйстве и восстановление экологического равновесия, одновременно решая задачи индустриализации экономики, рационально распределяя ресурсы. Однако приоритет был отдан методам традиционной политики, ориентированной на создание промышленности за счет сельского хозяйства и при недооценке интересов широких слоев населения. Вместе с тем ни государственная власть, ни общество не осознавали должным образом как глубины и причин социоэкологического кризиса в сельском хозяйстве, так и путей выхода из него.

В условиях усугубления социально-экономического кризиса и неадекватности действия властей расширялась основа для социально-политических потрясений. Раскол российского общества приводил к высокому уровню социальной напряженности, росту противостояния между обществом и властью, правящими и оппозиционными элитами, к повышенной социально-политической конфронтационности, радикализму и экстремизму.

Монархо-архаические отношения и отставание в индустриализационном процессе в значительной степени определили особенности развития промышленности и капитализма в России. В дореволюционный период не только в деревне, но и в городе рыночно-капиталистические отношения не приняли типичных форм, которые сложились в за-

падных странах после буржуазных революций. В России возникает высокий уровень монополизации производства в результате ограничения конкуренции и создания властью финансовых и других привилегий крупным предприятиям. В результате сложившихся клиентистских взаимоотношений между хозяйственными ведомствами и предпринимателями деятельность частной промышленности лишалась во многом коммерческих, рыночных начал, особенно в крупных и военных предприятиях. В досоветской литературе данная особенность развития промышленности считалась очевидной, но с 1930-х годов о ней стали все реже вспоминать, что способствовало формированию мифа о стремительном развитии капитализма и в этом смысле забегании реформ, резко якобы обостривших ситуацию в России.*

Выход рабочего класса на арену социально-политической жизни был важнейшей ее особенностью. Российский пролетариат по своей активности в экономической и политической борьбе заметно превосходил буржуазию. По своему образовательному уровню рабочий класс существенно отличался от крестьянства, но значительная часть российских рабочих была вчерашними крестьянами, их культура и бытовое поведение отражали это. Российская буржуазия была менее активна и организована. На протяжении конца XIX – начала XX веков осуществлялись процессы зарождения мощных движений социального протеста, наблюдалось нелинейное волнообразное нарастание их силы, возникала критическая радикализация масс.**

Стремление правящей элиты обеспечить неограниченный контроль над переменами в обществе приводило к тому, что власть своевременно не улавливала и адекватно не оценивала происходящие изменения; исходя из устаревших социально-политических ценностей она часто была вынуждена подгонять социальную реальность под идеологические схемы, используя принуждение и репрессии. Проведение модернизации путем реформирования «сверху» способствовало тому, что социальная динамика определялась борьбой не только двух ведущих сил: консерваторов и либералов, но и радикалов слева и справа. Вынужденное признание в начале XX века официальной властью партий различных политических ориентаций и создание

представительного законодательного органа – Государственной Думы не изменило конфликтологического характера отношений власти с обществом. Правящие силы не стремились на основе диалога с оппозицией искать приемлемые пути социально-экономических и политических трансформаций, ориентируясь на навязывание правил игры «сверху».

В условиях массового движения за демократизацию страны активно развивается социалистическое движение. Вместе с тем специфика России способствовала широкому утверждению социализма на основе марксизма.*** Большевикам удалось создать политическую организацию, определенным образом приспособить марксизм к конкретно-историческими реалиям России.

* * *

Трудности развития российского общества еще со времен Петра I во многом были вызваны стратегическим просчетом правящей элиты в выборе способов, этапов и путей социально-экономических преобразований. Данный выбор происходил часто без достаточного учета культурно-исторических традиций страны на основе механического заимствования опыта социальной организации и государственного строительства западноевропейских стран, к тому же опыта устаревшего. Это способствовало формированию весьма противоречивой институциональной системы, основанной на сложном сочетании сословно-бюрократических и общинных отношений. Непоследовательность и запаздывание в проведении реформ, сильная зависимость правящих сил от власти монарха, медленные темпы формирования гражданских прав и свобод, глубокие противоречия между правящим классом и остальными слоями в обществе приводили к росту социальной напряженности. Возникшая со времен Петра I бюрократическая модель модернизации общества позволяла на основе периодически осуществляемых, навязанных сверху реформ лишь частично изменять положение в стране к лучшему. Ситуация стала все больше выходить из-под контроля правящих сил России в начале XX века, когда ведущие страны мира активно демократизировали свою социальную систему и формировали технико-экономические уклады второго поколения, а российс-

*Эта теория опровергается работами, выполненными рядом современных исследователей. См.: Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX века // История СССР. 1966. №3; Поликарпов В.В. «Новое направление» 50–70 гг.: последняя дискуссия советских историков. // Советская историография. М., 1996 и др.

**Тенденции развития предреволюционной России к 1917 году нельзя понять, не принимая во внимание радикальные изменения в социально-политической мысли страны. См.: Струве П. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1907. №1; Пивоваров Ю.С. Очерки истории российской общественно-политической мысли XIX–начала XX вв. М., 1997 и др.

*** См.: Струве Г. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1907. №1; Изгоев А. Общественное движение в России / Русская мысль. 1907. №1.

кое общество, находящееся в плену архаичной сословной системы и отставшее от уровня индустриализации более чем на пятьдесят лет, пытались создавать технологическую основу первого поколения на основе перехода к бюрократической модели рыночной экономики.

Игнорирование культурно-исторических традиций народа, перспективных тенденций изменения социально-экономической организации в ведущих странах мира, непоследовательность и неадекватность способов преобразований российского общества приводили к тому, что многие реформы, осуществляемые правящей элитой в России, оканчивались откатом назад, контрреформами. Преобразовательные проекты Сперанского, в основном, оказались не реализованными. Не дали ожидаемых результатов реформы Витте и Столыпина. Даже реформы 60-70 гг. XIX века, которые в настоящее время принято считать успешными, их либеральными современниками оценивались весьма критически (Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский).

Процесс модернизации России к 1917 году был далек от завершения, в некоторых сферах он был только начат, в других – находился на середине пути, традиции доминировали над модернизацией. Неравномерность, асимметричность развития отдельных сфер общества свойственна всем странам, но для России характерной является высокая степень этой асимметричности. Сама имперская идея исходит из представлений об асим-

метрии как полезной, а не губительной основе соединения разнородных частей. Признавалась возможность интеграции дворян и крестьян, богатых и бедных, земледельцев и кочевников, православных и иноверцев.

Однако обозначившийся еще со времен смуты социокультурный раскол российского общества все больше проявлялся в процессе развития Российской империи в конфракционно-альтернативном понимании путей реформирования механизмов социальной динамики и выживаемости, взаимосвязей традиционализма и потока творческих новаций, в выдвижении утопичных способов решения социально-экономических проблем, в противопоставлении натуральных и рыночных форм хозяйствования, в попытках установления однородного порядка и недооценках важности применения разнообразных промежуточных и переходных форм, способствующих органическому соединению противоречивых сторон российской реальности. Возникший раскол явился мощным фактором дестабилизации и дезинтеграции общества. Неспособность правящих групп на основе диалога с оппозиционными группами выработать и противопоставить процессу разложения устаревших социальных структур конструктивную политику модернизации российского общества с учетом национальных традиций и интересов всех макросоциальных групп, привела к глубокому социально-экономическому кризису, радикализации общества и революционным потрясениям.

Список использованной литературы:

- ¹Платонов О.Ф. Лекции по русской истории. М., 1994. Ч. 1. С. 382.
- ²Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. М., 1998. С. 163; 27; 144-145.
- ³Три века: Россия от смуты до нашего времени / Под ред. В.В. Каллаша. – М., 1991. Т. 2. С. 286.
- ⁴Пастухов В.Б. Три времени России. Общество и государство в прошлом – настоящем – будущем. М., 1984. С.79-80.
- ⁵Каменский А.Б. Реформы в России. XVIII в. в исторической ретроспективе // Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. М., 1994. Ч. I. С. 149.
- ⁶Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995. С. 37.
- ⁷Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. №3. С.35.
- ⁸Милюков П. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1993. С. 27, 84.
- ⁹Бродель Ф. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. М., 1992. Т. 3. С. 309–310.
- ¹⁰Блок М. Апология истории. М., 1986. С.93.
- ¹¹Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4-5. С. 38.
- ¹²Сивков К.В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. По материалам архива степных вотчин Юсуповых. М., 1951. С. 152.
- ¹³Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8.
- ¹⁴Ключевский В.О. Курс русской истории: Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. I. С. 65.
- ¹⁵Облонский А. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 92.
- ¹⁶Тайис Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 367.
- ¹⁷Воронцов В.П. Судьба капиталистической России: экономические очерки России. СПб., 1907. С. 27, 84.
- ¹⁸Мельянцева В.А. Россия, крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития // Вестник Моск.у-нив. Сер.13. Востоковедение. 1995. №2. С.3 7.
- ¹⁹Люри Д.И. Развитие ресурсопользования и экологические кризисы. М., 1997. С. 65, 77.